

О целесообразности расширения перечня негласных следственных действий в Российском уголовном процессе

Научный руководитель – Васильев Олег Леонидович

Моисеев Владимир Владимирович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: vladimirmoiseev1997@mail.ru

Не так давно в действующем УПК появилась негласная деятельность, представленная в виде следственных действий таких как: контроль и запись телефонных переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Предметом моего исследования была задача понять случайность ли это? Стоит ли расширять этот список иными действиями, взятыми из непроцессуальной деятельности, как это сделано в УПК постсоветских стран?

Начиная с Устава Уголовного Судопроизводства негласная деятельность, являясь непроцессуальной деятельностью производимой под именем дознания, выводилась за рамки уголовного процесса. Её задача состояла в обнаружении признаков преступления, предмета преступления и розыска преступников. Сегодня непроцессуальная деятельность сохранила свои исторические задачи, однако стала именоваться оперативно-розыскной деятельностью. [4]

При этом непроцессуальная деятельность (оперативно-розыскная деятельность), призвана раскрыть преступление. Она регулируется Законом «Об оперативно-розыскной деятельности». В свою очередь расследование преступлений является задачей процессуальной деятельности (предварительное следствие и дознание), регулируемой УПК. Действуя сообща, на всех этапах уголовного процесса процессуальная и непроцессуальная деятельность дополняют друг друга, обеспечивая всестороннее, полное и объективное расследование. Эти два вида деятельности, применяемые в процессе расследования, имеют одно важное различие: главным принципом является то, что непроцессуальная, в отличие от процессуальной, в основе своей являясь негласной деятельностью, проводится на основе принципа конспирации, её результаты являются секретными. Процессуальная деятельность отличается от непроцессуальной своей природой, методами и тактикой её проведения. [2]

Характерным признаком негласной деятельности является производство в отсутствие осведомлённости лица, чьи права ограничиваются, вначале о факте мероприятий, затем о методах, средствах, а иногда и об участниках.

Гласность же гарантирует обеспечение прав и интересов участников уголовного процесса, снижает риски связанные с некомпетентностью следователя, пренебрежением принципом законности. Гласность важна, но её важность не нужно преувеличивать в ущерб существующей негласной деятельности.

В последние десятилетия многие постсоветские государства расширили перечень негласных следственных действий в УПК за счёт смешения непроцессуальных действий с процессуальными, Эстония вообще отказалась от закона об ОРД, переместив всю непроцессуальную деятельность в УПК создав в нём отдельную 3.1 главу, регулиющую оперативно-розыскную деятельность, в свою очередь иные страны такой закон сохранили. Благодаря этому оперативные подразделения стали полноценными участниками уголовного процесса

и получили возможность осуществлять как следственные действия, так и ОРД, правда, только по письменному поручению следователя или прокурора. [1]

В зарубежных странах, в качестве гарантии стоит выделить исключительный характер негласной деятельности постсоветских государств. Негласная деятельность имеет место только в том случае, когда гласная процессуальная деятельность неэффективна или нецелесообразна. К гарантиям также можно отнести определённые условия проведения негласной деятельности в Германии, состоящие из необходимости подозрения лица в совершении преступления.[5] Так в Казахстане для проведения необходимы достаточные данные о том, что лицо совершило преступление.[6] Законодательство зарубежных стран требует уведомлять лицо о проведённых в отношении него негласных действиях, что даёт лицу право пожаловаться на незаконность или необоснованность проведённых действий. Описанные гарантии следует отнести к праву лица на защиту.

Заметим, что в УПК Украины, Казахстана, Германии достаточно подробно регламентируются как гласная, так и негласная деятельность. Высока роль прокурорского надзора и судебного контроля за негласной деятельностью. По большей части она выражается в том, что оперативные подразделения могут осуществлять как следственные действия, так и ОРД только по письменному поручению следователя, прокурора.

В свою очередь, в России есть инструкция №68 «О порядке предоставления результатов ОРД следователю, дознавателю и в суд. Также в нашем УПК за законность ОРД отвечает ст.89. УПК. Она в полной мере способствует законности расследования, так как закрепляет правила надления результатов ОРД процессуальной формой, что является гарантией достоверности доказательств и соблюдения прав участников расследования. Именно поэтому нет никакого смысла расширять перечень негласной деятельности, закреплённый в УПК.

Остаётся добавить, что дальнейшее развитие следственных действий предопределяется избранным законодателем направлением совершенствования уголовного процесса: эволюционным или революционным. При эволюционном развитии новые приёмы познания должны обеспечивать прозрачность получения сведений и их доказательственную достоверность, гарантировать права участников судопроизводства, исключая смешение процессуальной и непроцессуальной деятельности. Революционный порядок основывается на признании всей досудебной деятельности как непроцессуальной, при этом признавая приоритет судебного доказывания принятого в западных странах, когда неважно в рамках каких правил добывались сведения, которые представлены суду. Это радикальное решение, ломающее принципиальные основы Российского уголовного процесса.[3]

Источники и литература

- 1) Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2018. С. 124-127.
- 2) Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник для вузов / 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. стр. 37-43.
- 3) Семенцов В. А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приёмами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №4. С. 56-57.
- 4) Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2018. С. 124-127. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность. Учебник

для вузов / 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. стр. 37-43. Семенцов В. А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приёмами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №4. С. 56-57. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Учебник / отв. ред. А.В. Смирнова СПб., 1996. стр. 373-389.

- 5) Deutsche Strafprozessordnung (StPO) vom 1. Februar 1877 in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), (mit Änderungen und Ergänzungen vom 3. März 2020 (BGBl. I S. 431) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gesetze-im>.
- 6) Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ("Егемен Қазақстан" 10.07.2014 ж. № 133 (28357) с изм. и доп. по состоянию на 11 января 2020 г.) // [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.